

Интеллектуальные предпосылки догоняющего развития России

© Шупер В. А.

© Schuper V.

Интеллектуальные предпосылки догоняющего развития России

Intellectual background for overtaking Russia's development

Аннотация. Догоняющее развитие России требует интеллектуальной эмансипации, а не бездумного следования за Западом, все дальше отходящим от принципов рационализма. России следует критиковать Запад везде, где для этого есть возможность — потепление климата, устойчивое развитие, феминизм, однополые браки, цензура политкорректности и пр. Ожидаемое наступление нового модерна для неевропейских стран может позволить России стать их интеллектуальным лидером. Страна должна подготовиться к рывку, условия для которого наступят с новой научно-технической революцией.

Annotation. The overtaking Russia's development needs the intellectual emancipation, not the reckless following of the West because the last is more and more retiring from the rationalism principles. The Russia shall criticize the West always where it is possible — climate warming, sustainable development, feminism, same-sex marriages, political correctness' censorship etc. The coming new modernity for non-European countries can give the Russia a chance to become their intellectual leader. The Russia shall prepare such a bond in order to do it when the new scientific and technological revolution will start.

Ключевые слова. Догоняющее развитие, кризис рационализма, модерн, научно-техническая революция.

Key words. Overtaking development, rationalism crisis, modernity, scientific and technological revolution.

Вероятно, главная причина происходящей на наших глазах трагедии Украины в том, что там получила преобладающее влияние прозападная элита, ставящая интересы глобального Запада выше интересов своей страны. Объективный анализ геополитической и геоэкономической ситуаций с неизбежностью приводит к выводу о наибольшей предпочтительности для Украины именно внеблокового статуса, позволяющего получать всевозможные преференции для далеко не процветающей национальной экономики как от России, так и от ЕС и отчасти — от США. Между тем даже при «пророссийском» президенте В. Ф. Януковиче Верховная Рада в ответ на взаимовыгодное предложение В. В. Путина об обмене газотранспортных активов на газодобывающие приняла еще один закон, запрещающий приватизацию газотранспортной системы, в дополнение к уже действовавшему. Вскоре после вступления в должность президента П. А. Порошенко приватизация

ШУПЕР Вячеслав Александрович — ведущий научный сотрудник Института географии РАН, профессор географического факультета МГУ им. М. В. Ломоносова, доктор географических наук.

газотранспортной системы была Радой разрешена, но теперь ее, по-видимому, придется заполнять преимущественно реверсным газом. Поражает воображение, разумеется, не столкновение интересов, а феноменальная неспособность, казалось бы, вполне рациональных людей осознать национальные интересы страны, которой им выпало трудное (или даже сомнительное) счастье руководить.

Великий провидец К. Лэш (1932—1994), мужественно отказавшийся от химиотерапии, чтобы в полную силу работать над своей последней книгой [17], которую завершил за 10 дней до смерти, указывал на беспочвенность эйфории, охватившей Запад после распада советского блока и развала СССР. Он видел глубинные процессы, приводящие к вырождению американской демократии, и понимал, что подобная победа может их только ускорить. К. Лэш был глубоко прав, связывая вырождение демократии с умственной ленью, ведь подлинная демократия по Лэшу — это всегда диспут. Ориентация же на средний уровень — это путь к антиинтеллектуализму, поскольку по-настоящему серьезная аргументация доступна немногим. Отметим, что Лэш был далеко не одинок в ощущении надвигающейся опасности. По мнению З. Баумана, «наблюдая утрату стремления человека к самовыражению в демократическом процессе, мы сталкиваемся не с угрозой для демократии, а со свидетельством окончания того периода, когда демократия была возможна и желательна» [11. С. 81]. Э. Геллнер (1925—1995) подчеркивал, что приверженность среднего класса демократическим ценностям возможна лишь в условиях постоянного роста жизненного уровня [9]. Однако сейчас растет социальное неравенство, множится число «новых бедных», а главное — утрачиваются важнейшие социальные завоевания XX века, прежде всего в области пенсионного обеспечения и здравоохранения.

Либералы, без устали объясняющие нам преимущества накопительной пенсионной системы перед солидарной, озабочены длинными деньгами для экономики, а вовсе не нашей обеспеченной старостью. «Как практикующий управляющий одного из самых больших инвестиционных портфелей в мире (более \$ 500 млрд долл.) берусь утверждать, что сейчас нет и скорее всего уже не будет класса активов, позволяющих инвестировать объемы средств национальной накопительной пенсионной системы с приемлемым риском и такой доходностью, которая обеспечивает реализацию накопленных пенсионных прав (для современных накопительных пенсионных систем это не менее 7% годовых на длинном инвестиционном горизонте при гарантированном сохранении основного капитала)» [24].

Процитированная статья А. В. Улюкаева отнюдь не произвела впечатления разорвавшейся бомбы, хотя к ней просто нечего добавить. Автор ее вскорости пересел в кресло министра экономики и больше к этой щекотливой теме не возвращался. «Как говорят англичане, *we stand where we sit*: на каком стуле сижу, такая и философия», — заметил Улюкаев [16]. Аналогичные процессы разворачиваются и в здравоохранении, причем глубокие аналитические статьи, убедительно опровергающие миф о преимуществах страховой медицины, публикуют даже вполне либе-

ральные «Ведомости» (см., например, [21]). При этом и государственное здравоохранение переживает далеко не лучшие времена, и положение будет только ухудшаться. Беда не в том, что либеральные рецепты оказались негодными, а в том, что неизбежный постепенный демонтаж «социального государства» делает перспективы западной демократии совершенно безрадостными.

Лидеры мирового развития постоянно меняются, в XX веке *Rex Britannica* сменился на *Rex Americana*, между которыми было тридцатилетие «многополярного мира», начавшееся и окончившееся мировой войной. Однако это была смена внутри Запада, в то время как сейчас ось мирового развития с очевидностью уходит за его пределы, и, пережив с большими или меньшими потерями еще пару десятилетий «многополярного мира», мы окажемся в *Rex Sinensis*. В таких условиях научный, философский и социально-политический дискурс затопляет апологетика, предназначенная именно для вытеснения объективного рационального анализа с его крайне неприятными выводами. В доме приговоренного к повешению не говорят о веревке. Невозможно удержаться от аналогии с советскими временами, когда в публичном дискурсе было табуировано обсуждение неэффективности социалистической системы как таковой, говорить и писать можно было лишь о ее неэффективности в отдельных конкретных случаях (знаменитое «Не обобщайте!»).

Наши представления о научно-техническом прогрессе приблизительно верны лишь для периода примерно с середины XIX века. Как указывал выдающийся отечественный философ М. К. Петров (1923–1987), первая промышленная революция вовсе не была научно-технической, поскольку все революционные изобретения — паровая машина, ткацкий станок, пароход, паровоз, электрический телеграф — были сделаны практиками-самоучками. Более того, наука тогда и не могла вести за собой технический прогресс, поскольку сама от него отставала [18]. По мнению Петрова, превращение науки в непосредственную производительную силу общества стало результатом второй научной революции, которая была типичной революцией «сверху».

Потерпевший поражение в войнах с Наполеоном король Пруссии Фридрих Вильгельм III (1770–1840) приобрел похвальную склонность к реформам. Это позволило филологу В. фон Гумбольдту (1767–1835), старшему брату великого естествоиспытателя, осуществить беспрецедентные реформы среднего и высшего образования, основав, в частности, в 1810 году Берлинский университет как университет совершенно нового типа. В нем впервые были введены поточные лекции и, соответственно, должности профессоров и приват-доцентов, а преподаваться стали не юриспруденция, теология и изящная словесность, а естественные и технические науки. Поточная система подготовки специалистов была увенчана созданием в 1826 году Ю. фон Либихом (1803–1873) лаборатории в Гессене, которая стала прообразом современных НИИ, обязательно имеющих аспирантуру. Таким образом, к середине XIX века сформировалась «великая триада» по Петрову: фундаментальная наука, прикладная наука и подготовка кадров. Результатом второй научной

революции стало бурное развитие промышленности — прежде всего машиностроения и химии — в Пруссии, затем в Германии, что позволило выиграть франко-прусскую войну¹ и в начале XX века сделать страну второй экономикой в мире и первой — в Европе.

Отметим: недавнее исследование 1000 наиболее инновационных компаний мира показало, что лишь 47 процентов среди них делают упор на технические инновации, 27 процентов ставят во главу угла исследование рынка, а 26 процентов — работу с клиентами. Не будем забывать, что новый флакон для духов — это тоже бесспорная инновация. Нынешняя революция, которой пока трудно дать название (да и делается это обычно задним числом), может в значительной мере рассматриваться, подобно первой промышленной революции, как революция техническая, а не научно-техническая, причем с упором на социальные технологии, потребные для манипулирования широчайшими народными массами в коммерческих и политических целях. Только такое предположение позволяет объяснить, каким образом небывалый прогресс может вполне сочетаться с упадком фундаментальных исследований и резким снижением социального статуса науки и ученых, причем отнюдь не только в нашей стране.

Соответственно, оптимистический взгляд на судьбу науки может исходить из предположения о пришествии в будущем новой *научно-технической* революции. Такое предположение находит опору уже в том совершенно очевидном обстоятельстве, что задел фундаментальных знаний, необходимых для прикладных исследований, безусловно, исчерпаем. В некоторых важнейших областях, например, в фармакологии, он местами уже вычерпан до дна. Однако люди делают в любой ситуации не то, что нужно, а то, что умеют. В. Г. Федотова проницательно отмечает глубокие различия между традициями и архаикой [26]. Традиции — это социальные инновации, которые, как и технические изобретения, могут быть удачными или неудачными. А вот возврат в архаику — это как раз утрата накопленных достижений, в том числе и полезных традиций. В указанной работе рассматривается архаизация различных сторон жизни в любезном Отечестве в начале 1990-х годов. Но намного ли лучше обстоят дела в странах просвещенного Запада?

Увы, нет; и подтверждений тому в избытке — достаточно вспомнить дело Д. Стросс-Кана, когда в лучших традициях средневекового правосудия исследуются не доказательства, которых нет, а репутация заявительницы, сомнения в коей и спасли от многолетнего тюремного заключения одного из авторитетнейших финансистов мира. На что надеяться в подобных ситуациях людям не столь известным и не столь богатым? Ведь в США суды тысячами приговаривают разведенных отцов к огромным выплатам для возмещения ущерба, якобы нанесенного развратными действиями в отношении дочерей. При этом суд основывает свой вердикт исключительно на показаниях *ребенка* (!), за которым стоит разведенная мать.

¹ Франция проиграла эту войну еще до ее начала, поскольку имела лишь 2,5 тысячи дипломированных химиков против 30 тысяч в Пруссии. Примерно таким же было соотношение и по числу инженеров.

Один из самых глубоких отечественных мыслителей П. Я. Чаадаев (1794—1856) писал о Западе, что он искал справедливость, а нашел благосостояние. Выбрасывая как ненужный хлам принцип презумпции невиновности в угоду большей части электората, Запад теряет сначала справедливость, затем благосостояние. Отметим, что отход от великих принципов Просвещения вовсе не ограничивается областью прав женщин как привилегированного большинства. «Право печатать клевету признано здесь священным правом прессы, охраняемым первой поправкой к Конституции США» [5. С. 230]. В. К. Буковскому и его товарищам в 1988 году даже в голову не пришло судиться в США с журнальчиком, оклеветавшим их как американских шпионов, в результате чего американские фонды полностью прекратили их поддержку. Они попытались сделать это в Англии, где распространялась небольшая часть тиража, но и там не преуспели. «Практика “гражданской конфискации” узаконена в США с 1980-х годов. В отличие от “уголовной конфискации”, она не предполагает уголовных обвинений против гражданина, а совершается (во внесудебном порядке) лишь на основании кажущихся властям “преобладающими, весомыми” улики, что данная собственность может быть как-то связана с правонарушениями... После чего гражданин волен идти в суд, где бремя доказательств честности происхождения денег и собственности лежит на нем» [3].

Отход от принципов Просвещения неизбежно приводит к размыванию этического фундамента науки, в отсутствие которого она рассыпается сама, даже без серьезных поползновений со стороны власти предержащих. Финансирование науки с помощью грантов за несколько десятилетий деморализовало научное сообщество, не оказавшее этой рыночной мере никакого противодействия; хотя очевидно, что конкурс результатов нельзя подменять конкурсом обещаний, что цель исследования достигается в таком случае еще до его начала, что деградируют институты строгой профессиональной критики и воспроизводства научных кадров и т. д. и т. п. Да и сами фонды крайне не заинтересованы в признании отчетов неудовлетворительными, ведь это брак в их работе. Научное сообщество стало слабо сопротивляться покушениям на самое святое только тогда, когда маразм приобрел поистине кафкианские формы. Увы, было уже слишком поздно: рыночный троянский конь был завезен в науку давно и успел сделать свое дело.

Именно моральное разложение научного сообщества с помощью грантов сделало возможным распространение таких химер, как представление о разрушении озонового слоя или о потеплении климата как результате антропогенных воздействий. Известно ли любезным читателям, что среднемировая температура с 1998 года вообще не растет [10; 27]? Широкая публика совершенно не осведомлена о многих важнейших фактах, и этот — лишь один из них. Напротив, пассажиров парижского метро информируют об объемах эмиссии углекислого газа, связанных с их поездками. Об объемах этой эмиссии узнает из своего билета и любой авиапассажир, летящий индийским внутренним рейсом. У Индии нет более важных проблем, чем борьба с парниковым эффектом!

Между тем наука еще мало что может сказать о природной циркуляции углекислого газа. Сколько-нибудь удовлетворительна только оценка его антропогенной эмиссии, но совершенно непонятно, сколь велика или мала она в сравнении с природными процессами. Вот сюда бы и бросить главные силы международного научного сообщества, но эта «мелочь» парадоксальным образом совершенно не интересует миллионы нестигаемых борцов с потеплением климата! Отрадно отметить, что большой вклад в развенчание обоих мифов внес замечательный отечественный физико-географ, член-корреспондент РАН А. П. Капица (1931–2011). Характерно, что его брат, С. П. Капица (1928–2012), был активнейшим членом Комиссии по борьбе с лженаукой и фальсификацией научных исследований, созданной РАН в 1998 году.

Последние результаты в области моделирования солнечной активности, полученные Е. П. Поповой из НИИЯФ им. Д. В. Скобелевича МГУ, свидетельствуют о приближении малого Ледникового периода, сходного с тем, который был во второй половине XVII века, поскольку «с 2030 по 2040 год начнется минимум солнечной магнитной активности» [20]. Ретроспективный прогноз, выполненный с помощью разработанной модели, дает очень хорошее совпадение с эмпирическими данными за последние 400 тысяч лет, поэтому сомневаться в надежности сделанных выводов не приходится. Разумеется, эти данные, как и многие другие, свидетельствующие о том же, и ранее были хорошо известны специалистам, но игнорировались СМИ, раскручивающими климатическую истерию. Человеку всегда было свойственно проецировать на природу свои представления об обществе, и климатический волюнтаризм сродни экономическому. Чего стоит принятие Греции в еврозону вопреки экономическим реалиям с последующим удержанием в ней из нежелания признавать и исправлять допущенные ошибки? Возможно, и отправить в мусорную корзину климатические мифы будет немногим легче. Ведь именно убеждение во всеисилии менеджмента мешает подняться до осознания ничтожности парникового эффекта в сравнении с природными факторами.

Не следует простодушно полагать, что элиты западных стран добросовестно заблуждаются относительно потепления климата. Автору как-то довелось оказаться за столом с французским дипломатом, бывшим послом в одной из европейских стран. Страдая, подобно многим из нас, болезненным стремлением при каждом удобном случае распространять научные знания, автор начал с жаром объяснять уважаемому дипломату, что антропогенная природа потепления климата — это на сегодняшний день не более чем гипотеза... Но на этом пришлось остановиться, поскольку высокопоставленный собеседник сразу же отмахнулся от этой темы, как от назойливой мухи: «Да, все это нужно, чтобы притормозить Китай и Индию». Можно быть благодарными за разъяснения, зачем это нужно Западу, но возникает естественный вопрос: зачем это нужно нам?

Особо следует остановиться на такой «области науки», как исследование устойчивого развития. Было убедительно показано, что устойчивое развитие как неистощительное природопользование невозможно даже теоретически [2]. Действительно, можно, например, поддерживать пло-

дорогие почв, но для этого надо применять усовершенствованные и зачастую более затратные методы пахоты, вносить удобрения, использовать севообороты и т. д. Соответственно, и «устойчивое развитие» возможно только в открытой системе, в которую вещество и энергия поступают извне. Загрязнения тоже хорошо бы сливать куда-то вовне. Именно эта модель отчасти реализуется в странах «золотого миллиарда» путем выноса грязных производств. Использование электростанций, работающих на солнечной энергии, или электромобилей позволяет снизить загрязнение в высокоразвитых странах за счет его увеличения в развивающихся, где выплавляются металлы для солнечных батарей и аккумуляторов. Эти производства относятся к наиболее экологически опасным. Впрочем, устойчивое развитие как *sustainable development* с очевидностью не наблюдается и в высокоразвитых странах. Если последний кризис — это устойчивое развитие, то какое же считать неустойчивым?

У «устойчивого развития» есть очень важная идеологическая функция. Три десятилетия после Второй мировой войны ознаменовались достаточно высокими темпами экономического роста, составлявшими 4—5 процентов в год, как для стран Западной Европы, так и для США. В историю Франции этот период даже вошел под названием «Славного тридцатилетия». С середины 1970-х годов темпы стали резко снижаться, опустившись до 2—2,5 процента и менее, что было связано в первую очередь с выводом промышленности в страны третьего мира. Именно тогда потребовалось убеждать избирателей, что они выигрывают не столько от роста потребления, сколько от улучшения качества жизни. Между тем выход на первый план экологических проблем стал возможен именно потому, что промышленные группы во все возрастающей степени выносили «грязные» производства за пределы высокоразвитых стран [4].

Особый вопрос — о цене «устойчивого развития». Жители Калифорнии, разумеется, приветствуют развертывание солнечных батарей в своем штате, но производимая с их помощью электроэнергия убыточна, и в других штатах подобные проекты воспринимаются без всякого воодушевления, поскольку поддерживаются из федерального бюджета. В ФРГ убыточная «экологическая» энергетика финансируется за счет 22-процентного налога на потребляемую энергию [14]. Предприниматели и экономисты ропщут, ведь этот налог серьезно снижает конкурентоспособность немецкого экспорта при далеко не самой благоприятной конъюнктуре, — но их не слушают. Использование этанола в качестве топлива тоже убыточно, да к тому же гонит вверх цены на продовольствие, от чего страдает прежде всего самая бедная часть человечества. Между тем человечество может получить неисчерпаемый источник экологически совершенно безопасной энергии, овладев управляемым термоядерным синтезом. Почему бы не направить на «термояд» хотя бы некоторую часть огромных средств, выделяемых на «экологическую энергетику», которые растрачиваются практически впустую?

Причина в архаизации Запада и, разумеется, тех, кто подражает ему в России. «Устойчивое развитие», ставшее официальной идеологией и преподаваемое в школах, как в свое время закон божий, несовместимо

с наукой и потому враждебно ядерной физике как одной из самых передовых ее областей. Если делать ставку на «термояд», то надо кончать балаган с ветряками. Если слушать настоящих ученых, а не поддаваться манипуляциям, то надо раз и навсегда замолчать по поводу борьбы с потеплением климата. Но Разум больше не может быть поставленным выше Веры. Если до Просвещения церковь убеждала людей в том, что они живут в прекрасном и гармоничном мире, а потому должны быть счастливы, а не ждать сколько-нибудь существенного улучшения своего материального положения в результате развития экономики, крайне медленного по тем временам, то сейчас эта функция возложена на «устойчивое развитие». Ведь говорить о грядущих высоких темпах экономического роста на Западе можно только в нетрезвом виде.

«Перформанс (спектакль, разыгрываемый с участием зрителей. — В. Ш.) отделяет публику от знаний и размещается в пространстве между властью и культурой, — с сочувствием цитирует В. Г. Федотова Дж. Александера. — Политические оппоненты борются за отделение действий от знаний, делающих их искусственными. Это отделение от знаний рождает власть культур, культурную прагматику символических действий, определяет место перформанса между ритуалом и стратегией, создает перформативный протест, перформативный терроризм, войну и перформанс в Афганистане и Ираке. Культур-социология Дж. Александера утверждает, по существу, замену рациональной политики, основанной на знании, движением различных социальных слоев под влиянием своей культуры, эмоций и символов. Культура, как он утверждает в ряде работ, представляет, генерирует активность, информация о которой отфильтровывается СМИ и в новом виде возвращается к участникам перформанса» [25. С. 48]. Отмеченные закономерности делают крайне маловероятным возвращение к рациональным принципам во внутренней и внешней политике стран Запада, чему свидетельство — заявления руководства НАТО о том, что Россия стала еще опасней, чем СССР, хотя не обладает и половиной его военного потенциала. Уже и Финляндия, чувствовавшая себя вполне комфортно под боком у «империи зла», собирается искать в НАТО убежища от своего соседа, ни при каких обстоятельствах не склонного на нее нападать да и, по большому счету, неспособного это сделать.

В условиях военного противостояния с США для советского руководства фундаментальная наука была жизненно необходима, что и обуславливало высокий статус науки и ученых в СССР. Аналогично и в США высокий уровень как науки, так и образования был вопросом национальной безопасности. Достаточно отметить, что уровень *среднего* образования считал чуть ли не своей главной заботой отец американского атомного подводного флота адмирал Х. Г. Риквер (1900—1986), неоднократно обсуждавший эти вопросы с Дж. Ф. Кеннеди (1917—1963) и находивший в нем весьма заинтересованного собеседника. Зато уже в 1993 году, сразу по завершении геополитического соперничества, конгресс США прекратил финансирование работ по созданию Сверхпроводящего суперколлайдера, пожертвовав уже вложенными немалыми средствами [6].

Интересен и взгляд авторитетного философа науки Е. А. Мамчур: «Чего только не писали (в утешение себе) в это время (после полета Гагарина. — *В. Ш.*) американские СМИ! Вплоть до того, что заявляли, что значительно приятнее видеть свободного американца на свободной земле, чем советского раба в космосе. Однако и в Америке нашлись умные люди, которые очень верно указали на причины поражения Америки в соперничестве с СССР в освоении космоса. Одним из них был президент Дж. Кеннеди. Известно, что после того, как он узнал о полете Гагарина, он на собранной им пресс-конференции сказал: «Победило советское образование. Ребята, надо учить физику, иначе нам придется учить русский» [15, С. 23]. В силу очевидного нежелания учить не только русский, но и физику в бурном развитии естественных и точных наук в нашей стране на Западе заинтересованы не более чем в ее сближении с Китаем, в то время как нам необходимо резко повысить конкурентоспособность и отечественной науки, и страны в целом.

Очевидно, что догоняющее развитие может быть только развитием обгоняющим: копируя образцы, можно в лучшем случае не отстать еще больше.

Очевидно, что догоняющее развитие может быть только развитием обгоняющим: копируя образцы, можно в лучшем случае не отстать еще больше. Нам необходимо учиться у Китая «демократии мертвых», предполагающей, что нынешнее поколение не вправе самоуверенно распоряжаться великой страной на том только основании, что одних поколений уже нет, а других — еще нет. Его долг — передать потомкам страну в существенно лучшем виде, нежели тот, в котором оно получило ее в наследство от ушедших поколений, проживших тяжелую жизнь, но при этом сделавших для страны очень много [22]. Это не подавление личности, а совсем другой горизонт целеполагания для страны. «Демократия мертвых» — не антипод демократии живых как таковой, а антипод демократии тех живых, которым все нужно только здесь и сейчас, и тех их вождей, которые не желают взглянуть дальше предстоящих выборов.

«Демократия мертвых» удивительным образом созвучна европейской науке в той мере, в какой она предана своим идеалам. Ведь наука Нового времени оставила нам не только выдающиеся достижения, не только критический рационализм как универсальный метод поиска истины, но и вытекающую из него высшую форму демократии, предполагающую равенство всех перед истиной, а вовсе не всеобщее равенство. Равенство перед истиной — это долг перед наукой, ответственность перед поколениями предшественников и потомков. Здесь явно просматривается очень важный мировоззренческий стык двух цивилизаций; только не современного Запада, погрязшего в постмодернизме, философии без-

ответственности и бесчестья, отрицающей само понятие объективной истины, а Запада, преданного идеалам Просвещения. Именно благодаря этим идеалам Запад достиг своего величия и именно в результате их утраты он сейчас угасает. Интеллектуальная эмансипация, необходимая предпосылка догоняющего развития, с неизбежностью требует рассмотрения вопроса о том, следует ли России поспешать за утратившим ориентиры Западом либо свернуть с этого губительного пути возможно быстрее.

Догоняющее развитие требует прежде всего изменения горизонта планирования. Нация, ставящая перед собой грандиозные задачи, должна научиться сажать и возделывать сады, плоды в которых соберут дети и внуки. Как сказал О. фон Бисмарк (1815—1898), битву при Садовой (1866 год) выиграл прусский школьный учитель. Создавший гимназии В. фон Гумбольдт не дождался этой победы трех десятилетий. Сейчас в любезном Отечестве добиваются ту систему образования, которая позволила стране стать лидером в освоении космоса, достичь громадных успехов в ядерных исследованиях. Это мотивируется необходимостью адаптировать образовательную систему к потребностям рыночной экономики. Но отвратительное образование не способно удовлетворить потребности никакой экономики. Болонская система, совершенно не органичная для нашей страны, внедряется под флагом интеграции в европейское образовательное пространство. Однако эта интеграция способствует не столько привлечению иностранных студентов в российские вузы, сколько оттоку российских дипломированных специалистов за рубеж.

Между тем в нашей стране совершенно стихийно сложилась система, наилучшим образом отвечающая потребностям отечественного рынка труда и рынка образовательных услуг, — это традиционная подготовка специалистов, как правило, на протяжении пяти лет, в сочетании с «болонским процессом», знаменитыми 4+2 (бакалавриат и магистратура). Возможность выбора создавала огромные преимущества для студентов, но такое положение было нетерпимо для наших реформаторов, поскольку ничего подобного нет на Западе. Едва ли они будут исходить и из той очевидной истины, что нашей стране совершенно не подходит американская модель организации высшего образования уже в силу того, что эта страна всегда покрывала провалы своей средней и высшей школы за счет «импорта мозгов». Западная Европа тоже делает это во все возрастающей мере. России же надо готовить гораздо больше высококвалифицированных специалистов, чем того требует развитие страны, закладываясь на их неизбежный отток в более благополучные страны.

Догоняющее развитие требует упора прежде всего на образование, среднее и высшее. Тут ничего принципиально не изменилось со времен В. фон Гумбольдта. При этом поддержание высокого уровня образования хотя бы в полусотне лучших отечественных вузов невозможно без развития фундаментальной науки, и уже это одно оправдывает ее финансирование. Разумеется, интеграции высшего образования и науки, мягко говоря, не способствует фактическое уничтожение РАН. Окно

возможностей вырваться в лидеры откроется для страны со следующей научно-технической революцией. Когда она произойдет — неизвестно; но сомневаться в том, что это случится, нет никаких теоретических оснований. Наша страна сумеет воспользоваться этим шансом, только если будет хорошо подготовлена. Пока же прогрессирующее невежество сограждан, фиксируемое соцопросами, свидетельствует о движении в противоположном направлении².

Увы, нынешнее руководство, разрушающее и образование, и фундаментальную науку, делает ставку на прикладные исследования, любимые властями всех стран за быструю окупаемость. Однако трудно надеяться, что Россия станет в ближайшем будущем страной с благоприятным инвестиционным климатом. Соответственно, результаты таких исследований и разработок будут внедряться в производство преимущественно за рубежом. И Россия, вкладывая в них средства, фактически окажет материальную помощь более богатым странам [12], как это уже давно происходит с подготовкой специалистов.

Россия должна четко сформулировать свои долгосрочные цели, как это сделал Китай. Это невозможно без замены элиты, считающей, что у нас ничто не может, а главное — и не должно быть лучше, чем на Западе. Украинский кризис, имея множество отрицательных последствий, причем еще далеко не в полной мере проявившихся, хотя бы в двух очень важных отношениях оказался благотворным:

1. Он способствовал давно ставшему необходимым развороту на Восток.
2. Он ослабил позиции прозападной элиты в нашей стране, без чего невозможна сама постановка вопроса о догоняющем развитии, которое может быть только развитием обгоняющим. Не случайно наши либералы никогда не ставят вопрос о догоняющем развитии, а рассуждают о модернизации по западным образцам.

Между тем сами эти образцы далеко не бесспорны. Отсутствие собственной идеологии уже давно стало притчей во языцех, но ее, строго говоря, нет надобности специально формировать, если встать на позиции рационализма и именно с них оппонировать «просвещенному» Западу, далеко ушедшему от идеалов Просвещения. Идеология вырастет сама — как растет кристалл в насыщенном растворе. Оппонировать Западу можно и нужно по всему спектру общественно-политических проблем. Это и «потепление климата», и «устойчивое развитие», и организация образования и науки, и еще многое, многое другое. Долголетнее отсутствие хоть сколько-нибудь серьезных дискуссий сделало наших оппонентов весьма уязвимыми для критики, и было бы неразумно этим не пользоваться.

Необходимо давать отпор культурному империализму везде, где для этого есть возможность. В связи с триумфом сторонников однополюсных браков в США и стремлением распространить эти «передовые достиже-

² По данным ВЦИОМ, считали, что Солнце вращается вокруг Земли, 28 процентов опрошенных в 2007 году и почти треть — в 2011-м; что полный оборот Земля совершает вокруг Солнца за один месяц, считали 14 процентов респондентов в 2007 году и 20 процентов — в 2011-м [8].

ния» во всем мире нужно напоминать, что после решения Верховного суда США о праве на аборт в 1973 году ситуация очень серьезно ухудшилась, причем настолько, что в некоторых штатах крайне трудно сделать аборт даже при наступлении беременности в результате изнасилования или кровосмешения. Кстати, почему прогрессивная общественность совершенно не озабочена запретом браков между близкими родственниками? Ведь эти люди уж тем более не виноваты в том, что любят друг друга.

Современный американский (да и не только американский) феминизм не имеет ничего общего с благородной борьбой за равноправие женщин, а вырожден в женский национализм, в борьбу не за равные права для женщин, а за привилегии для них. За что еще бороться, если американки от 20 до 30 лет зарабатывают больше американцев, преобладают среди студентов, в трех четвертях случаев выступают инициаторами разводов, а для лиц с высшим образованием доля женщин среди инициаторов разводов превышает девять десятых? Между тем цензура политкорректности уже стала хуже политической цензуры советских времен. Даже в более здравомыслящей Великобритании не далее как в июне 2015 года вышвырнули с работы лауреата Нобелевской премии в области физиологии и медицины 2001 года 72-летнего Тима Ханта за неудачную шутку на конференции по научной журналистике в Сеуле. Бедняга имел неосторожность сказать о женщинах-ученых: «Когда они в лаборатории, происходят три вещи: ты в них влюбляешься, они влюбляются в тебя, а когда ты начинаешь их критиковать, они плачут». После этого ему не помогли никакие публичные извинения [29].

Феминизм вреден не тем, что женщины урывают какие-то привилегии в ущерб мужчинам, а тем, что искажает закономерный переход от патриархата к матриархату и даже деформирует фундаментальные принципы, на которых со времен Просвещения зиждется цивилизация, — такие, как презумпция невиновности. Исторически сложившееся разделение ролей, при котором мужчины выполняли наиболее важные функции, связанные с тяжелым физическим трудом, включая и военное дело, ушло в прошлое. В современном обществе женщины закономерно играют более важную роль, поскольку они более жизнеспособны (имеют более высокую среднюю ожидаемую продолжительность жизни) и во многих странах более высокий образовательный уровень. Они будут наращивать превосходство над мужчинами и в экономическом отношении.

Однако женщины далеко не всегда готовы адаптироваться к этой своей новой роли, принять на себя не только права, но и обязанности. Весьма характерно, что американские феминистки выступают против института семьи, рассматривая его как форму подчинения женщины мужчине. Казалось бы, какая чушь: разве женщина не может быть главой семьи? Но стать главой семьи — значит взять на себя ответственность, а к этому далеко не всегда готовы те, кого с детства учили отстаивать свои права, но не задумываться о своем долге. Закономерный переход ведущей роли в обществе от мужчин к женщинам происходит в крайне

неблагоприятной интеллектуальной и идеологической среде, пропитанной постмодернизмом, и потому принимает отталкивающие формы. Между тем великий фантаст И. А. Ефремов (1908—1972), предвидя этот переход, ожидал, что женщины выдвинутся на первые роли как существа более сильные психически, а не физически, и их влияние будет облагораживающим, о чем, увы, не может быть и речи в современном обществе, не только утрачивающем благородство, но и не нуждающемся в нем. Наиболее ярко это выражено в его романе «Час быка».

Догоняющее/обгоняющее развитие России требует *ревизионизма по всем азимутам*. Совершенно непонятно, почему страна должна играть в поддавки со своими соперниками. В советские времена нас учили, что компромиссы возможны в области политики, экономики, но не в области идеологии, и это следует считать правильным. Проявляя разумную сдержанность и осмотрительность в первых двух областях, соизмеряя реакцию на различные вызовы не только с их силой, но и с возможностями страны, следует вести с Западом тотальную идеологическую борьбу, поскольку она не чревата для нас никакими дополнительными осложнениями и будет явно не безуспешной.

«Проблема модернизации прошла ряд исторических трансформаций, — отмечает В. Г. Федотова, — от *целостного процесса трансформаций всего общества* на Западе с начала Нового времени и построения первой либеральной современности XIX в.; через кризис к догоняющей модели модернизации незападных стран и второй организованной (социал-демократией, техникой, технократией и бюрократией) современности Запада 1920—1970 гг. Далее — постмодернизм как критика модернизма за его жесткие схемы и споры о дальнейшей возможности “проекта модерна”. Далее — внезапный проект 1990-х, ориентированный на первый либеральный модерн в одних посткоммунистических странах и в модернизацию на этнооснове в других. По существу, провал, но оставивший свои как негативные, так и положительные следы своего рода “расчисткой места”, чтобы что-то строить. Начало третьего модерна в XXI веке — нового Нового времени для незападных стран, развитие которых подрывает многие представления об универсальности модернизации, заставляя обратиться к его особым чертам в каждой стране, а, следовательно, отказ от “линейной” (термин мне не представляется удачным), скорее догоняющей Запад модели модернизации» [25. С. 31]. Россия прискорбным образом упустит важный исторический шанс, если не задействует свой научный и культурный потенциал, чтобы выдвинуться на роль интеллектуального лидера незападных стран, подвергая критике ставший крайне уязвимым для нее Запад по всем возможным направлениям. Между тем это еще и шанс вырваться в лидеры следующей *научно-технической революции*, имея более передовые образование и науку, что еще более важно. К историческому прорыву следует готовиться десятилетиями.

Цензура политкорректности уже превратилась на Западе в форменную инквизицию — с той только разницей, что ученого не сжигают за научные взгляды, а увольняют с работы, невзирая на то, что он даже

не просто нобелевский лауреат, а классик естествознания. Речь идет о Джеймсе Уотсоне, одном из величайших биологов XX века [19]. Обличая подобные мерзости, можно не только укрепить международный авторитет страны, но и способствовать смягчению нравов в своем отечестве. Разоблачение мифов о потеплении климата и возможности устойчивого развития не только нанесет серьезный ущерб нашим соперникам, но и будет способствовать повышению интеллектуального уровня внутри страны. Это будет также способствовать экономии средств, поскольку ни на то, ни на другое не следует тратить ни копейки.

Нехватку средств на среднее образование вполне можно преодолеть, отказавшись от бездумного перехода на 11-летнее обучение. Понятно, что тех, кого ничему не научили за 10 лет, не научат и за 11. Но нельзя же учить меньше, чем на Западе! При этом наши реформаторы используют зарубежный опыт в высшей степени селективно: даже в одной только Швейцарии существует обязательное 12-летнее школьное обучение в кантоне Женева и лишь 9-летнее — в кантоне Цюрих. Можно сэкономить огромные средства и в высшей школе, отказавшись от тотального перехода на Болонскую систему и сохранив параллельное функционирование бакалавриата с магистратурой и, изъясняясь высоким слогом Минобрнауки, «специалитета». Ревизионизм вовне предполагает отказ от многих вредных реформ внутри. Мы окажем огромную услугу и своей стране, и другим странам, успешно развивая национальную модель образования и науки. Наш опыт опять будет востребован, как он был востребован, когда СССР находился на подъеме.

По справедливому замечанию академика А. Г. Арбатова, европейский выбор для нашей страны совсем не обязательно должен предполагать экономическую или, тем более, политическую ориентацию на Запад [1]. Это верность делу Петра I. Только подняв знамя, которое выронил Запад, Россия сможет найти путь в достойное будущее. Этот путь будет очень трудным. Вместо Европы от Лиссабона до Владивостока, на которую настраивались с горбачевских времен, начинает формироваться Азия от Шанхая до Петербурга [23]. Стратегический союз с Китаем требует от нас либо проникнуться конфуцианством, либо искать свой путь, благо китайцам совершенно не свойственно навязывать свое мировоззрение другим народам [7]. Нам придется сделать выбор между Вольтером и Конфуцием, а не между нынешним Западом и Китаем — этот выбор во многом уже сделан за нас.

Единственный достойный путь — это путь просвещенного патриотизма, состоящий в самом внимательном отношении к любому зарубежному опыту, но строгой и справедливой его оценке на основе наших собственных представлений о должном и сущем. При этом кризис рационализма с неизбежностью делает консерватором любого приверженца Просвещения, соответственно и просвещенный консерватизм, по Караганову [13], и любезный автору просвещенный патриотизм [28] — это две стороны одной медали, причем первый вполне может выступать экспортным вариантом второго.

Беда нашей страны состоит не в том, что у нас плохая власть — в этом едва ли кто сомневается, включая представителей власти. Беда в том, что те, кто ей противостоит, — не лучше. Соответственно, они не более заинтересованы в науке как источнике объективных знаний и образовании как источнике духовной свободы, нежели власти предержащие. Это вполне естественно, поскольку идеология обеих противоборствующих (или изображающих противоборство) сторон — тот же самый постмодернизм. Соответственно, и смена власти (если она произойдет в существующем политическом ландшафте) не приведет ни к каким положительным изменениям для образования и науки. Однако путь в достойное будущее страна сможет найти только на основе великих принципов рационализма, переосмысленных на основе реалий XXI века.

Догоняющее развитие диктует формирование новой элиты, приверженной идеалам Просвещения и именно на основе этих идеалов формулирующей долгосрочные цели развития страны. В любом случае гражданская нация, если найдет в себе мужество идти своим неизведанным путем, должна осознать, что отсталость Отечества может быть не только недостатком, но и преимуществом, и бережно относиться к институтам, созданным великими предками, чей горизонт был шире, а мысли — глубже, нежели у нынешних посредственных реформаторов.

Литература

1. **Арбатов А.** Крушение миропорядка? // Россия в глобальной политике. 2014. № 4. — www.globalaffairs.ru/number/Krushenie-miroporiadka-16918 (дата обращения: 20.11.2015).
2. **Бабурин В. Л.** Легенды и реалии устойчивого развития через призму географии // Известия РАН. Серия географическая. 2011. № 4.
3. **Бовт Г.** Время прозрачных кошельков // Газета.ru. 15.06.2015. — www.gazeta.ru/comments/column/bovt/6841509.shtml (дата обращения: 20.11.2015).
4. **Брюне А., Гишар Ж.-П.** Геополитика меркантилизма: новый взгляд на мировую экономику и международные отношения. М.: Новый хронограф, 2012.
5. **Буковский В. К.** Московский процесс. М.; Париж: МИК : Рус. мысль, 1996.
6. **Вайнберг С.** Мечты об окончательной теории : физика в поисках самых фундаментальных законов природы. М.: Изд-во ЛКИ, 2008.
7. **Габуев А.** Китайский старший брат // Совет по внешней и оборонной политике. 13.07.2015. — <http://svop.ru/main/16019/> (дата обращения: 20.11.2015).
8. **Гелаев В.** Соединенные штаты креационистов // Газета.ru. 06.08.2014. — www.gazeta.ru/science/2014/06/08_a_6061089.shtml (дата обращения: 20.11.2015).
9. **Геллнер Э.** Условия свободы : гражданское общество и его исторические соперники. М.: Ad Marginem : Московская школа политических исследований, 1995.
10. Глобальное потепление закончилось в 1998 году // Известия. 12.04.2006. — <http://izvestia.ru/news/376382> (дата обращения: 20.11.2015).
11. **Иноземцев В. Л.** Книгочей. Библиотека современной обществоведческой литературы в рецензиях. М.: Ладомир, 2005.
12. **Иноземцев В.** Стратегия развития: жить за счет ресурсов // Ведомости. 07.08.2013.
13. **Караганов С.** Стратегия просвещенного консерватизма // Ведомости. 28.02.2014.

14. Компании ФРГ экономят на энергии // Ведомости. 05.03.2014. — www.vedomosti.ru/newspaper/articles/2014/03/05/kompanii-frg-ekonomyat-na-energii (дата обращения: 20.11.2015).
15. «Круглый стол» «Перспективы российской науки как социального и культурного института» // Вопросы философии. 2014. № 8. С. 3—43. — http://vphil.ru/index.php?option=com_content&task=view&id=998&Itemid=52 (дата обращения: 20.11.2015).
16. **Кувшинова О.** Алексей Улюкаев ищет выход из мирового кризиса // Ведомости. 13.06.2014.
17. **Лэш К.** Восстание элит и предательство демократии. М.: Логос : Прогресс, 2002.
18. **Петров М. К.** История европейской культурной традиции и ее проблемы. М.: РОССПЭН, 2004.
19. **Петров П.** Народ против Джеймса Уотсона // Русский журнал. 27.11.2007. — www.russ.ru/pole/Narod-protiv-Dzhejmsa-Uotsona
20. **Подорванюк Н.** Ледниковый период придет через 15 лет // Газета.ру. 16.07.2015. — www.gazeta.ru/science/2015/07/16_a_7641753.shtml
21. **Рогозин А.** Система здравоохранения: подмена экономики счетоводством // Ведомости. 11.08.2015.
22. **Степанянц М. Т.** Справедливость и демократия в контексте диалога культур // Вопросы философии. 1996. № 3.
23. **Тренин Д.** От Большой Европы к Большой Азии? Китайско-российская Антанга // Совет по внешней и оборонной политике. 14.05.2015. — <http://svop.ru/main/15320/> (дата обращения: 20.11.2015).
24. **Улюкаев А.** Реформа пенсионной системы : песня пенсий // Ведомости. 11.03.2012.
25. **Федотова В. Г.** Дополитическая, политическая и постполитическая культуры как индикаторы исторического этапа модернизации // История модернизации как предмет социально-философского анализа. М.: ИФ РАН, 2014.
26. **Федотова В. Г.** Российская история в зеркале модернизации // Вопросы философии. 2009. № 12.
27. **Целиков Д.** Изменение климата: дело о пропавшем тепле // Компьюлента. 16.01.2014. — <http://compulenta.computerra.ru/zemlya/klimatologiya/10010926/> (дата обращения: 20.11.2015).
28. **Шупер В. А.** Россия в глобализованном мире: альтернативы развития // Вопросы философии. 2008. № 12.
29. **Шутова Е.** Матильда может быть довольна // Газета.ру. 11.06.2015. — www.gazeta.ru/science/2015/06/11_a_6837553.shtml (дата обращения: 20.11.2015). ◆